

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

С. А. Жинкин

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ
ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВА

Теория и история государства и права

Сергей Жинкин

**Психологические проблемы
эффективности права**

«Юридический центр»

2009

Жинкин С. А.

Психологические проблемы эффективности права /
С. А. Жинкин — «Юридический центр», 2009 — (Теория и
история государства и права)

Автор настоящей работы – Сергей Алексеевич Жинкин, кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета Кубанского государственного университета. Является автором более 60 научных и учебно-методических работ, в том числе трех монографий и трех учебных пособий. Книга посвящена исследованию комплекса психологических проблем эффективности права. При этом эффективность права рассматривается как многоаспектный и многоуровневый феномен, выражающий закономерности социальной и психической жизни, имеющий различные формы и качественно отличающийся от эффективности отдельных норм законодательства. В работе сделана попытка показать роль психологических факторов в обеспечении гармоничного взаимодействия правовой системы и личности, повышении эффективности нормативных правовых актов. Для преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, а также всех интересующихся проблемами теории государства и права, философии права, эффективности законодательства.

ББК 67.0

© Жинкин С. А., 2009

© Юридический центр, 2009

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	8
1.1. Развитие представлений об эффективности права как социально-духовного регулятора и ее психологических аспектах в философской, социологической, психологической и юридической науке	8
1.2. Понятие эффективности норм права и его соотношение с понятием эффективности права	14
Конец ознакомительного фрагмента.	29

С. А. Жинкин

Психологические проблемы эффективности права

Предисловие

Вопросы повышения качества и действенности законодательства издавна находятся в центре внимания юридической науки и практики. Это предопределено тем, что проблема эффективности принимаемых норм играет ключевую роль в деятельности государства, функционировании правовой системы. Неэффективность законодательства является показателем серьезного социального кризиса, который, в свою очередь, связан с кризисом психологическим, мировоззренческим, ценностным. В то же время оптимальная эффективность всего комплекса действующих юридических норм – весьма привлекательный, но недостижимый в обозримом будущем идеал деятельности правотворческих органов государства.

Как известно, активное обсуждение вопросов эффективности правовых норм в отечественной юридической науке началось со второй половины XX века. При этом необходимо отметить, что в соответствии с пониманием права как системы общеобязательных, формально определенных норм, изданных государством и обеспеченных государственным принуждением, проблема эффективности права фактически приобрела вид проблемы эффективности норм права, а по сути – эффективности норм законодательства. Вопросы же эффективности права в целом как регулятора социальной и духовной жизни, как элемента культуры и формы духовного существования человечества оказались вне поля зрения отечественной науки. В работе сделана попытка восполнить этот пробел.

В литературе справедливо отмечается, что в современный исторический период господство материалистических ценностей наглядно демонстрирует свою ограниченность, неспособность справиться с животрепещущими социальными проблемами, в том числе правового характера. Такое положение обуславливает естественный интерес к познанию идеальной сферы нашего бытия, ее взаимодействия с нормативной системой общества¹. Взаимодействие элементов правовой системы, права как регулятора, конкретных норм законодательства, с одной стороны, и структур внутреннего мира человека – с другой, особенности этого взаимодействия оказывают существенное влияние на эффективность как права в целом в конкретном культурно-историческом контексте, так и тех или иных норм законодательства, нормативных актов.

В настоящее время необходимо широкое применение плюралистического подхода к исследованию проблем эффективности в праве. Данный подход предполагает:

- выделение уровней эффективности в праве;
- разграничение эффективности права и эффективности конкретных норм законодательства;
- многоаспектное рассмотрение самих понятий эффективности права и эффективности норм законодательства;
- существенное дополнение имеющихся классификаций эффективности норм законодательства;
- отграничение предпосылок эффективности права как регулятора и факторов эффективности конкретных норм законодательства.

¹ Ивашевский С. Л. Идеальная сущность права: постановка проблемы // Журнал российского права. 2007. № 1. С. 108.

Юридической наукой и практикой самое серьезное внимание должно быть уделено психологическим аспектам эффективности права, психологическим проблемам взаимодействия права как социально-духовного регулятора, как продукта культуры и национального менталитета и психологических структур личности, ее мировоззрения, потребностей, идеалов, социальных ожиданий, ценностных установок.

Важную роль в исследовании проблем эффективности призван сыграть и аксиологический (ценностный) подход. Как справедливо отмечается в литературе, реализация аксиологического подхода позволяет понять, что эффективность сложившихся в обществе правоотношений в немалой степени зависит от той ценностной составляющей, на которой они выстраиваются, от способности и желания участников правоотношений взять на себя определенные обязанности и не нарушать их². Эффективность права как социально-духовного регулятора, рассматриваемого в конкретном культурно-историческом контексте, и его отдельных норм, закрепленных в законодательстве, очевидно, должна оцениваться и по степени их соответствия общечеловеческим, этническим, религиозным, классовым и иным групповым ценностям.

Важнейшими задачами государства должны стать культурное и ценностное воспитание граждан, борьба с правовым отчуждением личности и правовым нигилизмом, пропаганда социально-правовой активности, социальной ответственности и солидарности. Без комплекса мер по формированию правосознания, воспитанию «культуры потребностей» и социальной ответственности, «культивированию» социально позитивной активности личности борьба за повышение эффективности законодательства не увенчается подлинным успехом.

Перед юридической наукой стоит задача осмысления не только места человека в мире права, но и места права во внутреннем мире человека. Мы должны понять роль права в обеспечении самореализации личности, в обеспечении ее психологически комфортного и социально адекватного, созидательного существования в конкретном культурно-историческом контексте.

Важную роль в исследовании проблем эффективности призваны сыграть междисциплинарные исследования с использованием выводов психологии, антропологии, социологии. К сожалению, вопросы эффективности в праве пока не подверглись комплексному междисциплинарному анализу. В то же время перекрестное дисциплинарное исследование справедливо считается рядом авторов наиболее богатой областью исследований в современной общественной науке³.

В данной работе предпринята попытка осмысления понятия эффективности в праве как многоуровневой, многоаспектной и многофакторной категории. При этом разграничиваются понятия «эффективность в праве», «эффективность права», «эффективность норм позитивного права (норм законодательства)». Разграничение эффективности права как социально-духовного регулятора, продукта духовного творчества и эффективности норм законодательства как установлений государства общего характера представляется важным, помимо прочего, в связи с тем, что практика мирового развития демонстрирует поистине огромное количество случаев эффективности неправового законодательства, случаев противоречий эффективности конкретных нормативных актов государства и эффективности права в целом как социально-духовного регулятора, должного в человеческих отношениях, формы духовного существования человечества, культурного феномена.

Содержание монографии позволяет критически относиться к проблеме факторного анализа эффективности норм законодательства. К сожалению, в отечественной науке не до конца преодолены экономический детерминизм, «фетишизация» общественных отношений в объяснении правовых явлений.

² Гриценко Г. Д. Правопонимание: антропологические и социокультурные аспекты. Ставрополь, 2002. С. 41.

³ Gerring J. Social Science Methodology. A Criterial Framework. Cambridge, 2001. P. 5.

Сведение человека к совокупности общественных отношений, по нашему мнению, не только препятствует исследованию и успешному решению многих политико-правовых проблем, но и является предпосылкой для теоретической и практической нивелировки личности, служит оправданием самоустранения государства от личностного воспитания граждан, исключает формирование взаимоотношений подлинной солидарности и творческого сотрудничества граждан и государства. Без такой солидарности и такого сотрудничества ни о какой эффективности норм законодательства не может быть и речи.

Представляется, что важнейшую роль в исследовании психологических проблем эффективности права призван сыграть личностный подход, используемый в психолого-правовых исследованиях.

Исследование психологических проблем эффективности права позволит по-новому взглянуть на многие проблемы правового регулирования – на соотношение государства, законодательства и личности, пределы и методы правового регулирования, проблемы правовой онтологии и аксиологии. Хотелось бы надеяться, что вопросы психологического восприятия права, психологической солидарности общества с требованиями законодательства, обеспечения посредством законодательства созидательного и психологически комфортного существования человека будут обсуждаться и решаться не только в теории, но и на практике.

Автор выражает глубокую благодарность своему научному консультанту – доктору юридических наук, профессору Виктору Викторовичу Момотову и рецензентам – доктору юридических наук, профессору Руслану Мухарбековичу Дзидзоеву и доктору юридических наук, доценту Светлане Александровне Марковой-Мурашовой за ценные замечания по настоящей работе.

Глава 1

Понятие и виды эффективности права

1.1. Развитие представлений об эффективности права как социально-духовного регулятора и ее психологических аспектах в философской, социологической, психологической и юридической науке

Вопросы действенности права как регулятора социально-духовной жизни, ее тенденции, факторы, психологические аспекты издавна привлекали внимание политической и правовой теории. Еще в Законах Ману развивалось представление об изменчивости дхармы от эпохи к эпохе, смене основных (эпохальных) принципов образа жизни и поведения, а также отмечается общая тенденция движения от дхармы (права) к адхарме (неправу). В Законах Ману, следовательно, речь шла о постепенном и неуклонном качественном ухудшении поведения людей, ослаблении регулятивно-сдерживающих (в границах признанной нормы) начал и усилении, увеличении, умножении отклоняющегося поведения (по числу и видам)⁴. Вопросы основ управления общественными процессами находились и в центре внимания древнекитайских мыслителей. И если легисты превозносили в этом плане законы, подчеркивая их универсальность, жесткость и обязательность для всех, и указывали на злую и распушенную природу человека, то Конфуций, напротив, отстаивая господство доброго начала в человеке, призывал строить управление обществом на основе добродетели, а не жестких наказаний. Таким образом, уже в древности проблема основ социального регулирования стала связываться с вопросами природы человека, его основополагающих качеств, стремлений.

Античные авторы также соотносили специфику социального регулирования с особенностями природы человека и общественного устройства. Как известно, Платон на раннем этапе своего творчества выделял формы государства в зависимости от преобладающей человеческой страсти (так, для демократии характерна тяга к свободе, для тимократии – «яростный дух», стремление к войне и т. д.). Аристотель указывал на необходимость издавать законы, соответствующие государственному строю, а не наоборот, подгонять государственное устройство под вновь создаваемые законы.

Успех общественного управления еще в античности связывался с обеспечением комфортного человеческого существования. Так, согласно Эпикуру, жизнь по принципу удовольствия подразумевает, что нельзя жить приятно (в удовольствии), не живя разумно, нравственно и справедливо, и, наоборот, нельзя жить разумно, нравственно и справедливо, не живя приятно⁵.

Таким образом, еще в древности в качестве идеала, ориентира для людей и законодательства выступали природа человека, его потребности и качества, соответствующие разумному общему закону. Аристотель писал, что «никакой пользы не принесут самые полезные законы... если граждане не будут приучены к государственному порядку и в духе его воспитаны, а именно: если законы государства демократические – в духе демократии, если олигархические – в духе олигархии...»⁶.

⁴ Социальные отклонения. М., 1989. С. 23.

⁵ Цит. по: Там же. С. 27.

⁶ Цит. по: Политическая мысль второй половины XX века. Хрестоматия для студентов вузов / Сост. В. А. Мальцев. Пермь,

Стоики отмечали, что человеческая природа – это часть общей природы и мироздания в целом. Поэтому высшая цель – жить в согласии с природой, согласно своей природе и общей природе, ничего не делая такого, что запрещается общим законом, а именно правильным разумом, проникающим все⁷.

Весьма ценным представляется выделение известным средневековым мыслителем Фомой Аквинским, помимо человеческих законов, также вечного, естественного и божественного законов. Тем самым была сделана достаточно интересная попытка связать позитивный (человеческий) закон с общими закономерностями мироздания (вечный закон), добродетелью и качествами человека (естественный закон), назначением человека в божественном порядке общежития (божественный закон).

В Новое время начинается отход от представлений о необходимости соответствия законодательства божественной воле, религиозным предписаниям. Поиск идеалов, ориентиров для законодательства продолжался. Так, попытку связать категории свободы и порядка, законности осуществил Дж. Локк, утверждавший, что цель государственного закона – не уничтожение или ограничение свободы, а ее сохранение и расширение. Он писал: «Свобода людей, находящихся под властью правительства, заключается в том, чтобы иметь постоянное правило для жизни, общее для каждого в этом обществе и установленное законодательной властью, созданной в нем; это – свобода следовать моему собственному желанию во всех случаях, когда этого не запрещает закон, и не быть зависимым от непостоянной, неопределенной, неизвестной самовластной воли другого человека⁸. Важную роль для исследования взаимосвязи законодательства и психологических факторов сыграла работа Ш.Л. де Монтескье «О духе законов».

Интерес для исследования методологии социального регулирования представляют некоторые выводы М. Вебера. По его мнению, общество есть лишь мысленная конструкция, из которой нельзя вывести и объяснить поведение человека. Следовательно, необходимо идти не от целого к частям, а, наоборот, попытаться из элементов вывести и понять целое – общество. Основным элементом социальной реальности Вебер считал человеческое действие, которому свойственна специфически человеческая черта – рациональность, т. е. человеку присуще осмысленное целеполагание будущего действия⁹.

Вопросы психологических основ правового регулирования стали предметом определенного внимания в работах представителей дореволюционной отечественной юридической и философской науки: Л. И. Петражицкого, Н. М. Коркунова, Н. А. Бердяева, П. И. Новгородцева, а впоследствии – И. А. Ильина. Так, П. И. Новгородцев писал о том, что успех действия права в жизни обусловлен тем, насколько оно проникает в сознание членов общества и встречает в них нравственное сочувствие и поддержку. Без этой поддержки право превращается или в мертвую букву, лишённую жизни, или в тяжелое бремя, сносимое против воли¹⁰.

Психологические аспекты правового регулирования нашли отражение в трудах известных зарубежных психологов, социологов, историков, юристов: З. Фрейда, К. Г. Юнга, Э. Фромма, К. Хорни, Э. Тоффлера, Л. Февра, Н. Рулана, Х. Плеснера, Х. Ортеги-и-Гассета, Э. Мунье, Ж. Маритена, К. Левина, Л. Леви-Брюля, Ч. Х. Кули, Э. Кассирера, А. Гелена, А. Адлера и др. В этом плане показательны высказывание Г. Лебона: «Каждый народ обладает душевным строем, столь же устойчивым, как и его анатомические особенности, и от него-то и происходят его чувства, его мысли, его учреждения, его верования, его законы и его искусства»¹¹.

1999. С. 32.

⁷ Социальные отклонения. М., 1989. С. 28.

⁸ Цит. по: Там же. С. 37.

⁹ Ручка А. А. Социальные ценности и нормы. Киев, 1976. С. 60.

¹⁰ Цит. по: Гревцов Ю. И. Социология права. СПб., 2001. С. 168.

¹¹ Лебон Г. Психология народа и масс. СПб., 1995. С. 12.

Серьезной разработке подверглись проблемы эффективности в праве в советской юридической науке второй половины XX века. Исходя из понимания права как системы норм общего характера, установленных государством, главный акцент закономерно был сделан на исследовании эффективности именно конкретных норм права, норм законодательства. Первоначально данное понятие полностью или частично отождествлялось с оптимальностью, правильностью, обоснованностью самих норм права. Такой подход характерен, например, для Д. А. Керимова и М. П. Лебедева. Впоследствии понятие «эффективность правовых норм» стало ассоциироваться, прежде всего, с результативностью их действия. Другими словами, под эффективностью правовых норм стали понимать их «действенность, результативность, то есть способность оказывать влияние на общественные отношения в определенном, полезном для общества направлении»¹². Подобный подход существовал и в изучении эффективности правоприменения. Так, В. В. Лазарев отмечал, что «в самом общем виде, при первом приближении к вопросу, эффективность правоприменительных актов означает их результативность в достижении поставленных перед данными актами целей»¹³.

Господствующие позиции в советской юридической науке по проблемам эффективности занял так называемый целевой подход. Эффективность норм права понималась при этом как достижение целей права, соответствие между целями законодателя и реально наступившими результатами¹⁴. Наиболее завершенное выражение этот подход нашел в коллективной монографии «Эффективность правовых норм», написанной В. Н. Кудрявцевым, В. И. Никитинским, И. С. Самощенко и В. В. Глазыриным.

Несколько по-иному рассматривали эффективность норм права А. С. Пашков и Л. С. Явич. Они отмечали, что неправильно любой эффект действия нормы смешивать с ее социальной эффективностью, которая предполагает достижение объективно необходимого и социально полезного результата. Такой результат может иметь место лишь тогда, когда сама цель нормы правильно отражает объективные закономерности развития общества. Если цель нормы определена неправильно, то ее достижение вовсе не будет свидетельствовать о социальной эффективности действия правовой нормы. Целевой момент как необходимо включающий элемент субъективного отражения действительности не может быть во всех случаях основным и объективным критерием эффективной правовой нормы. Далее, отношение результата к цели не является единственным показателем эффективности правовой нормы потому, что бывает ситуация, при которой данная цель достигается вне непосредственной связи с действием изучаемой нормы. В таком случае мы сталкиваемся с явно мнимой эффективностью нормы¹⁵.

Целевая концепция эффективности подверглась определенной критике и при исследовании эффективности правоприменительных актов. Во-первых, по замечанию М. Н. Андрюшенко, «эффективность есть количественная характеристика отношения цели и теоретической возможности и формы ее материализации, цели и материализации ее конструктивного решения». Отсюда следует, что понимание эффективности приговора как соответствия результата и цели правосудия предполагает, прежде всего, анализ целей правовых норм. Но цели последних, вероятно, не могут быть окончательно установлены без соответствующего анализа последствий их применения и реализации¹⁶. Во-вторых, по замечанию М. Ф. Маликова в отношении

¹² Пашков А. С., Чечот Д. М. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления // Советское государство и право. 1965. № 8. С. 3.

¹³ Лазарев В. В. Эффективность правоприменительных актов. (Вопросы теории). Казань, 1975. С. 52.

¹⁴ См., напр.: Эффективность правовых норм. М., 1980. С. 22; Проблемы эффективности работы управленческих органов / Под ред. Ю. А. Тихомирова. М., 1973. С. 44 и др.

¹⁵ Пашков А. С., Явич Л. С. Эффективность действия правовой нормы. (К методологии и методике социологического исследования) // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 41.

¹⁶ Маликов М. Ф. Эффективность приговора в советском уголовном процессе. Вопросы теории и практики / Под ред. М. С. Брайнина. Саратов, 1982. С. 56.

эффективности правоприменительных актов, даже в том случае, когда цель выявлена верно и найден оптимальный путь ее достижения, без конкретного судебного приговора она не достигается. Степень эффективности приговора будет зависеть не только от того, в какой степени результат действия приговора в действительности приближен к идеалу (выраженному в виде цели правосудия), но и от того, насколько точно соблюдается порядок вынесения приговора и насколько действенна ответственность за его нарушение¹⁷.

Разновидностью функционально-целевой концепции в советской литературе стала причинно-функционально-целевая концепция, отличавшаяся от первой обращением к анализу совершенства правовой нормы и включением в оценку ее эффективности таких элементов, как социально полезный характер результата действия правовой нормы, учет затрат материальных средств, человеческой энергии и времени при решении поставленных задач, оптимальный вариант достижения поставленной цели и т. д.¹⁸ Один из приверженцев данного подхода, В. А. Козлов, например, понимал эффективность норм права как максимально положительную результативность действия правовых норм при наименьших социальных издержках. Он писал, что «эффективность правового регулирования нельзя рассматривать как простую результативность, она необходимо должна включать классовую полезность этих результатов»¹⁹.

В литературе советского периода имелись и другие подходы к понятию эффективности правовых предписаний. Так, например, авторы монографии «Эффективность действия правовых норм» не разделяли точку зрения, согласно которой эффективность правовой нормы определяется соотношением между заключенной в ней целью и полученным результатом. Они указывали, что нет никаких оснований исключать из анализа эффективности правовых норм те реальные средства, действия тех конкретно-исторических субъектов, которые только и приводят к достижению того или иного результата. «Чистое» действие нормативного акта ничему в действительности не соответствует. Даже если рассматривать действие закона в отношении индивидов, а не социальных групп, то и тогда очевидно, что результат такого действия зависит не только от права, но и от множества характеристик рассматриваемого субъекта. Определять эффективность по отношению между результатом и целью проблематично не только потому, что у отдельной нормы редко имеется особая цель, но и потому, что полный результат действия этой нормы на момент исследования никогда не известен²⁰.

Нельзя не согласиться с тем, что целевая концепция эффективности является важным достижением юридической науки. Главное из достоинств этой концепции – «концентрация внимания в оценке эффективности на соотношении достигнутого и запланированного, сущего и должного»²¹. Кроме того, важным представляется акцентирование внимания на целенаправленном характере человеческой деятельности, в том числе правовой.

Думается, что преобладание целевого подхода к понятию эффективности права и его норм связано, помимо прочего, с особенностями развития российской ментальности, которая находит отражение и в идеологии, и в научных теориях. Духовность как черта российской правовой ментальности в сложных природно-климатических и внешнеполитических условиях характеризуется устремленностью к некоей идеальной цели, в результате чего само право и даже законодательство могут получить вид социально-этической или социальноэкономической программы. Право, таким образом, приобретает описательный характер для провозгла-

¹⁷ Там же.

¹⁸ В.А. Федосова к представителям данного подхода относит М. П. Лебедева, А. С. Пашкова, Д. М. Чечота, Л. С. Явича, Г. А. Злобина, В. А. Козлова и др. (см.: Федосова В. А. Эффективность действия норм советского государственного права. Воронеж, 1984. С. 20).

¹⁹ Козлов В. А. К вопросу о понятии эффективности права // Вестник ЛГУ. 1972. № 5. С. 109, 111.

²⁰ Эффективность действия правовых норм. Л., 1977. С. 31, 34, 35.

²¹ Марочкин С. Ю. Проблема эффективности норм международного права. Иркутск, 1988. С. 12.

шения определенного социального результата или цели²². Поэтому, как представляется, и в отечественной юридической науке большое значение приобрели целевое определение эффективности правовых норм, понимание категории эффективности, прежде всего, через призму соотношения целей законодателя и реально достигнутых результатов.

Вместе с тем преувеличение роли целевого момента в социальной жизни и ее правовом регулировании, в поведении людей существовало не всегда и характерно именно для советской науки, тесно связанной с политическими установками и целями. Такой подход к социальной жизни представляется слишком узким. В этом плане интерес представляют труды известного российского дореволюционного юриста Л. И. Петражицкого, который писал, что «преобладающая масса действий людей и животных имеет бесцельный характер, совершается вовсе не для достижения какой-либо цели, основывается не на целевой, а на иных видах мотивации. Действия ради известной цели, действиям “для того, чтобы”, можно, прежде всего, противопоставить действия на известном основании – действия не “для того, чтобы”, а “потому, что”. Дело в том, что способность возбуждать эмоции свойственна и представлениям, касающимся прошедшего, например, представлениям нанесенного нам оскорбления, в не меньшей степени, чем представлениям, касающимся возможного в будущем; а раз есть налицо эмоция, то она стремится вызывать соответствующую акцию, не спрашивая, так сказать, о том, нужно ли это для какой-либо цели или не нужно. Многие виды человеческого поведения по самой природе своей исключают целевую, касающуюся будущего мотивацию и предполагают непременно мотивацию, исходящую из прошедшего»²³. По замечанию Л. И. Петражицкого, даже в области жизни достигших высокой интеллектуальной культуры взрослых людей целевая мотивация, по сравнению с предметной, представляется редким исключением²⁴.

Имеются соответствующие замечания и в зарубежной науке. По мнению Дж. М. Барбалет, действия большинства людей в большинстве случаев не происходят в результате осознанных решений. Предположение о том, что общественные субъекты деяний знают релевантные факты их ситуации или даже их собственные предпочтения в их рамках, а также наилучший способ сопоставить их возможности с их предпочтениями, чрезмерно натянуто. На самом деле, поскольку общественное деяние подразумевает взаимодействие с другими субъектами, субъекты деяний не могут знать в момент принятия решения, правильным ли окажется их решение взаимодействовать. Успех или неуспех любого акта взаимодействия, по которому можно определить, насколько удачным было решение взаимодействовать, обязательно наступает позднее самого решения²⁵.

Итак, целевым аспектам эффективности в праве было в свое время уделено серьезное внимание в советской юридической науке. Достаточно своеобразную позицию по проблемам эффективности в праве занимал И. Я. Дюрягин. Он отмечал, что право не может иметь самостоятельной эффективности, поэтому более правильно говорить об эффективности деятельности, урегулированной правом, а точнее – об эффективности реализации правовых норм и в этом смысле об эффективности действия права, то есть правовых норм и правовых актов²⁶.

Интересным представляется существовавший в советской науке подход к эффективности с позиций общественных отношений, их регулирования и охраны. Так, М. Ф. Маликов, исследуя эффективность судебных актов, рассматривал эффективность приговора как процесс и как результат отражения общественных отношений вообще и уголовно-процессуальных отноше-

²² Гриценко Г. Д. Право как социокультурное явление: состояние проблемы и перспективы разрешения. Ставрополь, 2002. С. 311.

²³ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 33.

²⁴ Там же. С. 34.

²⁵ Barbalet J. M. Emotion, Social Theory, and Social Structure. A Macrosociological Approach. Cambridge, 2001. P. 10.

²⁶ Дюрягин И. Я. Право и управление. М., 1981. С. 129.

ний в частности²⁷. Думается, что эффективность в нормативном регулировании также зависит от того, насколько точно и антропологически адекватно соответствующие нормы урегулировали соответствующие общественные отношения, насколько они обеспечили охрану этих отношений.

Итак, по справедливому замечанию С. Ю. Марочкина, одни авторы были склонны увязывать содержание понятия эффективности только с правотворчеством или внутренним качеством норм, другие, по сути, отождествляли действенность правового регулирования и эффективность норм, третьи рассматривали эффективность как результат лишь действия норм, а качество самих норм – только как условие ее достижения либо вообще как самостоятельное явление²⁸.

В целом, по замечанию В. В. Лапаевой, советская теория эффективности находилась в русле инструменталистского подхода к праву как к «средству руководства обществом», инструменту достижения экономических, политических, идеологических и иных целей социалистического строительства. Само по себе определение эффективности норм права как соотношения между фактическим результатом их действия и теми социальными целями, для достижения которых они были приняты, по ее мнению, еще не несет специфической правовой нагрузки, поскольку ничего не добавляет к общепринятому пониманию эффективности как соотношения между целью и результатом того или иного действия. Правовое содержание данного понятия зависит от того, что понимается под целями правовых норм²⁹. Представляется также, что понятие эффективности не только этатизировалось, но и рассматривалось, в первую очередь, в соответствии с целями государственной политики. Так, С. С. Алексеев указывал: «Право – это не только необходимость, но и своеобразный социальный “капитал”, то, что нужно с максимальной эффективностью использовать, “пускать в дело” для решения наших задач... Право для государства является наиболее целесообразным и эффективным средством, при помощи которого последнее во многих случаях добивается быстрого и всеобъемлющего осуществления своих функций»³⁰.

Кроме того, для изучения эффективности права в советский период, на наш взгляд, была характерна некоторая «фетишизация» общественных отношений, прежде всего производственных, акцентирование внимания на их решающей роли в правовом развитии. При этом внутренние антропологические, психологические факторы незаслуженно оставались без внимания.

Итак, проблемы обеспечения действенности права в регулировании общественной жизни, эффективности норм законодательства, ее факторов и форм выражения рассматривались мировой наукой в той или иной форме с самых ранних этапов существования государственности и права. Однако более обстоятельный анализ вопросов качества и эффективности норм законодательства начался в XIX веке и продолжился в XX веке.

Серьезный вклад в исследование проблем эффективности был внесен советской юридической наукой. Однако вопросы эффективности права, по сути, были сведены к эффективности и формальному качеству норм позитивного права (законодательства), а многие аспекты проблем эффективности права как социально-духовного регулятора и конкретных норм законодательства не были подвергнуты исследованию. В следующих главах будет сделана попытка восполнить этот пробел.

²⁷ Маликов М. Ф. Эффективность приговора в советском уголовном процессе. Вопросы теории и практики / Под ред. М. С. Брайтмана. Саратов, 1982. С. 112.

²⁸ Марочкин С. Ю. Проблема эффективности норм международного права. Иркутск, 1988. С. 14.

²⁹ Проблемы общей теории права и государства / Под ред. В. С. Нерсесянца. М., 2002. С. 501.

³⁰ Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971. С. 38, 154.

1.2. Понятие эффективности норм права и его соотношение с понятием эффективности права

Необходимость разработки плюралистической теории эффективности в праве предполагает потребность в четкой дифференциации понятий «эффективность в праве», «эффективность права», «эффективность норм права».

Термин «эффективность» происходит от латинского “effectivus”, что переводится как «действенный». Слово «эффективный» означает «дающий определенный эффект, действенный»³¹.

Пожалуй, самым широким понятием, связанным с правовыми проблемами эффективности, можно считать понятие «эффективность в праве». Оно охватывает и эффективность права и его отдельных норм и институтов, и эффективность правовой деятельности, как право-творческой, так и правоприменительной и интерпретационной, систематизирующей, эффективность работы правовых учреждений. При этом, как представляется, необходимо отграничить понятие эффективности в праве от понятия эффективности в национальном праве, в конкретной национальной правовой системе. Понятие эффективности в каждой национальной правовой системе носит исторически и культурно изменчивый характер, а в ряде правовых систем вообще не актуально либо лишено специфической смысловой нагрузки.

Понятие эффективности в праве является предельно широкой категорией. По нашему мнению, эффективность в праве можно определить как достижение значимых социальных и духовных целей посредством права как социально-духовного регулятора и иных элементов правовой системы посредством использования системы правовых принципов и средств.

Эффективность права как социально-духовного регулятора качественно отличается от эффективности законодательства как формы выражения права, способа существования правовых норм.

Эффективность права как социально-духовного регулятора означает реализацию им своего социального, духовного и иного назначения в конкретном культурно-историческом контексте, предоставление им возможности для социально позитивной самореализации личности в конкретном обществе, осуществление в конкретном обществе принципов справедливости, свободы, гуманизма, разумности.

Эффективность законодательства как продукта деятельности государства означает достижение соответствия между целями государства, выраженными в соответствующих нормах, и реально наступившими результатами. Эффективность законодательства отнюдь не означает эффективность права в регулировании социальной и духовной жизни, хотя и связана с ней. Более того, практика показала немало случаев противоречий между эффективностью законодательства и эффективным осуществлением правовых начал в обществе, реализацией принципа господства права в общественной жизни.

Эффективность законодательства складывается из эффективности конкретных нормативных актов и их предписаний, которые с позиций этатистского подхода к праву считаются нормами права, но по сути являются нормами законодательства, соответствующими либо не соответствующими праву и его началам.

В советской юридической науке весьма обстоятельной разработке подвергся такой аспект эффективности в праве, как эффективность правовых норм. В данной работе мы будем исходить из различения норм права и норм законодательства. Нормы права как продукта духовного творчества, явления культуры представляют собой определенные идеи, требования, которые

³¹ Современный словарь иностранных слов. М., 2001. С. 728.

могут оформляться в законодательстве, находить там свое выражение, а могут и не оформляться. И если в литературе указывается на то, что право и закон соотносятся как содержание и форма, то нормы права и нормы законодательства, закрепленные в нормативных актах и их структурных частях, также соотносятся как содержание и форма. Поэтому то, что в отечественной юридической науке считалось эффективностью норм права, следует считать эффективностью норм законодательства, эффективностью предписаний государства общего характера, эффективностью законодательной формы выражения правовых норм.

Рассмотрим понятие эффективности правовых норм в его традиционном «советском» понимании и попытаемся отграничить его от понятия эффективности права.

Как известно, в отечественной юридической науке советского периода господствовало понимание эффективности норм права как соотношения между целями, которые преследовал законодатель, издавая соответствующую норму, и реально наступившими результатами. Рассматривая эффективность норм права как соотношение целей законодателя и реально наступивших результатов, следует иметь в виду, что правотворческий не может формулировать цели произвольно, по своему усмотрению, в отрыве от социальной реальности, ее закономерностей и особенностей. Можно согласиться с тем, что «законодательное произведение как специфический вид текста не может быть оценено как проект “застройки” правопорядка как бы заново, этот текст констатирует сложившееся положение дел, а в таких областях, как уголовное право, объекты защиты права сложились уже с древних времен и сериация преступлений против личности, частной собственности, государственной власти издавна существует как устойчивый массив негативной рецептивности в рамках исторически сложившегося кодифицированного законодательства»³².

Хотелось бы добавить, что законодатель не может формулировать цели и «в отрыве» от собственного правосознания, от своих психических качеств, идей и представлений. Цели и собственно содержание норм законодательства формируются, как представляется, на основе взаимодействия права, его норм и принципов с правосознанием законодателей, его структурами под влиянием комплекса различных факторов – целей государственной политики, экономических условий, общественного мнения и т. д. Сочетание различных факторов может порождать ситуации, когда нормы законодательства не соответствуют и даже противоречат «духу» права, его основополагающим принципам.

В этом плане самое пристальное внимание следует обратить на мотивацию законодателей, комплекс факторов, влияющих на нее. Л. И. Петражицкий в свое время писал: «Тот вид интеллектуально-эмоциональной мотивации, в котором имеются представления достижимых посредством известных действий или воздержаний эффектов и эмоции, направленные на реализацию этих эффектов и побуждающие к соответствующему поведению, мы будем называть целевой, или телеологической, мотивацией, представления таких будущих, подлежащих реализации эффектов – целевыми, телеологическими представлениями, а представляемый эффект – целью; положительной целью, если дело идет о достижении, отрицательной целью, если дело идет о предотвращении того или иного изменения существующего положения; избираемое для осуществления положительной или отрицательной цели поведение есть средство, соответствующее представление – представление средства»³³.

Определение эффективности норм права (законодательства) как соотношения цели и достигнутого результата, как представляется, должно учитывать личностный, духовный факторы в постановке соответствующих целей, а также в их достижении. В связи с этим представляет интерес позиция А. И. Экимова: «Объективная действительность не выдвигает произвольно конкретных целей. Последние могут ставиться только сознательно, ибо они есть

³² Закомлистов А. Ф. Юридическая философия. СПб., 2003. С. 152.

³³ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 32.

мысленное отражение будущего состояния наличной действительности, а не сама эта действительность. В том, что всякая цель ставится и преследуется сознательно, находит свое выражение субъективная сторона цели... Цель в норме права и объективна, и субъективна... Субъективная сторона цели в норме выражает тот факт, что она не появляется самопроизвольно, стихийно, а является результатом соответствующей мыслительной деятельности. Преувеличение значения объективной стороны цели в юридической норме ведет к отказу от всякой критики действия законодателя, не говоря уже о действующих правовых нормах»³⁴. Как справедливо отмечает А. И. Яценко, образование цели – это формирование идеального представления о том предмете, явлении, к которому стремится человек, но в то же время это и осознание своей деятельности как целенаправленной, осознание своего отношения как целевого³⁵.

Следует согласиться с тем, что целевая концепция эффективности правовых норм является важным достижением юридической науки. В то же время недостатком данного подхода, как представляется, можно считать то, что цели законодателя при этом трактуются как некий абсолютный и находящийся вне критики идеал, к которому необходимо стремиться. Достижение каких бы то ни было целей, поставленных законодателем, будет в таком случае абсолютным показателем того, что право как социальный регулятор эффективно, независимо от того, какие прямые и косвенные, близкие и отдаленные социальные издержки вызвало достижение этой цели.

В литературе справедливо указывается, что определение эффективности как отношения цели действия к его результату, планируемой эффективности к реальной носит абстрактный характер. Оно может быть использовано для оценки эффектов применения права во всех типах общества и уже по этой причине не в состоянии объяснить специфику его действия ни в одном из них. Эффективность юридических норм – следствие не только того, чем являются они сами. Она зависит также от свойств и состояния объекта, на который нормы воздействуют. И поскольку состояние и свойства этого объекта связаны с его регулированием другими правовыми нормами, совокупная действенность права обусловлена, помимо прочего, и тем, как функции отдельных законодательных установлений, институтов и отраслей права взаимосвязаны друг с другом. Поэтому придать приведенным определениям необходимую конкретность можно, лишь раскрыв особенности социального объекта, на который воздействует юридическая норма, а также особенности той правовой системы, элементом которой она является. Если же предпринимаются попытки установить цель абстрактной юридической нормы, то ее социальная специфика может оказаться нераскрытой. Ознакомление с историей правовых систем свидетельствует, что очень многие нормы переходят из одного общества в другое, не меняя ни своей внешней формы, ни своего непосредственного содержания, хотя они в разных обществах обладают различными, зачастую противоположными, социальными функциями. Их конкретно-исторический общественный смысл выявляется только в сопоставлении с объектом, на который они воздействуют, то есть с регулируемыми ими общественными отношениями, либо при их рассмотрении как элементов всей правовой системы данного общества в целом³⁶. М. Д. Шаргородский указывал, что «методы регулирования определенных общественных отношений, эффективные с точки зрения достижения поставленной цели, могут оказаться неэффективными с точки зрения связанных с этим регулированием последствий, которые не были учтены при выборе метода регулирования»³⁷.

³⁴ Экимов А. И. Категория цели в науке права // Философские проблемы государства и права. Л., 1970. С. 52, 57.

³⁵ Яценко А. И. Целеполагание и идеалы. Киев, 1977. С. 75.

³⁶ Спиридонов Л. И. Теория государства и права. М., 1999. С. 218.

³⁷ Шаргородский М. Д. Право и объективные законы общественной жизни. (К дискуссии об объективном и субъективном праве) // Правоведение. 1972. № 5. С. 105.

Соглашаясь с тем, что рассмотрение эффективности норм законодательства как соотношения цели и результата представляет определенный научный интерес, хотелось бы сделать ряд существенных оговорок.

Во-первых, оценка эффективности норм законодательства как соотношения целей норм и их результатов – это, по сути, оценка эффективности государственной политики, связанной с изменением законодательства. Такой подход неприменим для исследования эффективности права в целом как социально-духовного регулятора. Политика государства по изданию и обеспечению эффективности тех или иных норм может противоречить эффективности права в целом как духовного и социального регулятора. Главная цель права, которой нужно добиться для обеспечения его эффективности, – открытие человеком в себе и развитие, реализация основополагающих духовных принципов, имеющих правовое значение – стремления к саморазвитию и общению, непричинения вреда, взаимности и благодарности, взаимопомощи, потребности в труде, семье, общении и др. Эти принципы едины для всей человеческой цивилизации и находятся выше любого государства и законодательства по своей ценности для развития человечества. К сожалению, законодательство многих государств, напротив, способствует духовной деградации, поэтому его рано или поздно проявляющаяся неэффективность выступает закономерным и позитивным итогом его духовной ущербности, противоречивости по отношению к самореализации индивида.

Имеются и оговорки более частного характера, которые применимы к данному подходу, даже если иметь в виду эффективность конкретных норм законодательства, а не права в целом как социально-духовного регулятора. В частности, далеко не все нормативные акты содержат указания на цели своего издания (в отношении конкретной нормы это вообще невысказано). Цели конкретных норм могут быть выделены логическим путем, да и это относится не ко всем разновидностям юридических норм. В этом плане требует уточнения утверждение Н. М. Коркунова о том, что всякая норма есть правило, обусловленное определенной целью, другими словами – правило должного³⁸. Более того, зачастую сам законодатель не может четко сформулировать цели принимаемого акта, средства достижения этих целей и вынужден их впоследствии корректировать. Иногда законодатель сознательно скрывает цели принятия того или иного акта, если они противоречат интересам большинства населения. Кроме того, в истории известны случаи, когда законы принимались исключительно в пропагандистских целях, а правотворческий орган не рассчитывал на получение какого бы то ни было реального результата. Наконец, в литературе справедливо указывается на то, что возможны противоречия между целями различных уровней, например стратегическими и тактическими³⁹. При такой исходной ситуации исследование эффективности многих нормативных актов, включающих значительное число норм, становится весьма проблематичным.

Кроме того, цель далеко не всегда может быть четко сформулирована. В науке недаром выделяются абстрактные и конкретные цели. Так, А. И. Яценко указывает, что абстрактной является цель, не имеющая ярко выраженной практической направленности, представляющаяся в общих неконкретизированных чертах и, самое главное, средства ее реализации субъект или вовсе не представляет, или представляет нечетко. Конкретная цель – это, соответственно, такая цель, содержание и средства реализации которой субъект представляет четко, а потому она и служит непосредственным побудительным мотивом к деятельности, имея ярко выраженную практическую направленность⁴⁰.

Достижение определенной цели не может быть «заслугой» одной определенной нормы законодательства. Помимо того, что цель может достигаться за счет действия неправовых фак-

³⁸ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 71.

³⁹ Тихомиров Ю. А. Механизм управления в развитом социалистическом обществе. М., 1978. С. 216.

⁴⁰ Яценко А. И. Целеполагание и идеалы. Киев, 1977. С. 123.

торов, следует учитывать, что единой целью, как правило, объединяются и группы норм. В связи с этим уместно вспомнить высказывание Л. С. Явича о том, что правовое регулирование общественных отношений не может быть осуществлено только при помощи одной, отдельно взятой юридической нормы⁴¹. Как пишет С. Ю. Марочкин, в ряде случаев говорить о цели нормы вряд ли есть необходимость, например, выделять особенные цели у отдельных норм, регулирующих вопросы процедуры либо констатирующих состав каких-либо органов⁴². Все это свидетельствует о том, что эффективность целого ряда норм не может быть достаточно достоверно измерена.

Определение эффективности норм законодательства как соотношения цели, с которой принята данная норма, к результату ее действия подвергалось критике и с других позиций. Так, Л. И. Спиридонов в свое время отмечал, что такая постановка вопроса неоправданно ограничивает предмет анализа результативностью одной только правотворческой деятельности государства. Согласно этой схеме правотворческий орган, выявив социальную проблему и поставив цель решить ее юридическими средствами, издает норму права, которая, влияя в доступных ей пределах на поведение людей, заставляет их совершать поступки, на которые как раз и рассчитывал законодатель. Реальность же весьма далека от этой схемы. Во-первых, ни один законодатель не способен дать полный и точный анализ общественных процессов и сформулировать конкретные цели, которые можно разрешить посредством принятия юридических норм. Даже тогда, когда общество ставит перед собой определенные задачи, они оказываются чрезмерно абстрактными. Оценка эффективности изданных норм в таких условиях неизбежно сводилась к пустопорожним рассуждениям, например, о творческой роли социалистического права в развернутом строительстве коммунизма или о том, какие законы и в какой мере приблизили бы российское хозяйство к рыночной экономике. Наступление коммунизма или победа рынка над планом – слишком общие и неопределенные критерии для того, чтобы их можно было использовать, сопоставляя в качестве цели с результатами исторического развития, для измерения эффективности тех или иных юридических норм. Во-вторых, обладающая часть норм права складывается в ходе естественно-исторического процесса как обобщение социального опыта, а государство в качестве осознающей действительность силы может лишь официально признать их, так или иначе санкционировать, в том числе и путем принятия законов. Говорить о том, что в этой ситуации кто-то произвольно ставит конкретные цели, средством достижения которых являются юридические нормы, можно лишь с очень серьезными оговорками. В-третьих, вопрос о социальной эффективности правовой нормы не может быть сведен к проблеме соблюдения отдельным индивидом того или иного юридического запрета. Если бы можно было ограничить исследовательскую задачу таким образом, то проблема эффективности закона оказалась бы тождественной проблеме эффективности правовой санкции, поскольку наказание – единственное средство, которым пользуется сам закон для поддержания авторитета своих требований. В реальности же действие правовых запретов опосредуется системами социальных, личностных, социально-психологических и целого ряда других факторов⁴³.

В целом, по замечанию В. В. Лапаевой, советская теория эффективности находилась в русле инструменталистского подхода к праву как к «средству руководства обществом», инструменту достижения экономических, политических, идеологических и иных целей социалистического строительства. Само по себе определение эффективности норм права (а по сути – норм законодательства) как соотношения между фактическим результатом их действия и теми социальными целями, для достижения которых они были приняты, по ее мнению, еще не несет

⁴¹ Явич Л. С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М., 1961. С. 13.

⁴² Марочкин С. Ю. Проблема эффективности норм международного права. Иркутск, 1988. С. 23.

⁴³ Спиридонов Л. И. Теория государства и права. М., 1999. С. 214–215.

специфической правовой нагрузки, поскольку ничего не добавляет к общепринятому пониманию эффективности как соотношения между целью и результатом того или иного действия. Правовое содержание данного понятия зависит от того, что понимается под целями правовых норм⁴⁴.

Новое весьма интересное понимание эффективности законодательства предложила В. В. Лапаева. Она указывает на то, что в современных условиях, «когда задача правового регулирования видится уже не в достижении заданных сверху целей, а в выражении и согласовании социальных интересов, способствующих нормальному, свободному развитию общественных отношений, должны быть соответствующим образом пересмотрены и положения теории эффективности законодательства. Было бы неверно продолжать трактовать эффективность закона как соотношение между результатом действия нормы и предписанными ей неправовыми (экономическими, политическими, идеологическими и т. п.) целями. В русле современного понимания сущности закона в условиях формирующейся правовой государственности эффективность законодательства следует измерять его вкладом в укрепление правовых начал государственной и общественной жизни, в формирование и развитие элементов свободы в общественных отношениях, в реализацию прав и свобод человека и гражданина. То же самое можно сформулировать и в привычных терминах соотношения цели и результата, поскольку эффективность – это всегда мера целенаправленного воздействия. Только речь пойдет не о внешних по отношению к праву экономических, политических, идеологических и иных целях, а об имманентной ему правовой цели, заключающейся в согласовании социальных интересов на базе правообразующего интереса и в обеспечении, таким образом, максимально возможной всеобщей меры свободы для развития соответствующей сферы общественной жизни»⁴⁵.

Думается, что профессор В. В. Лапаева в данном случае вышла за рамки проблемы эффективности норм законодательства и попыталась оценить эффективность права в целом как социально-духовного регулятора и его роль в развитии государственности. Весьма трудно, если вообще возможно, определить вклад конкретной нормы в укрепление правовых начал государственной и общественной жизни, формирование и развитие элементов свободы в общественных отношениях, реализацию прав и свобод человека и гражданина. Вот почему представляется чрезвычайно важным не допускать смешения понятий эффективности права и эффективности норм законодательства, четко разграничивать их. Представляется, что эффективность права как социально-духовного регулятора не складывается из эффективности конкретных норм законодательства. Более того, она не сводится к эффективности осуществления главных принципов права, закрепленных в законодательстве. Эффективность, значимость, психологическое признание права определяются целым комплексом факторов собственно юридического, психологического, культурного, экономического и иного характера.

Заслуживает внимания предложенный В. В. Лапаевой подход к эффективности законодательства с позиций социальной конфликтности. Она указывает, что под эффективностью закона следует понимать степень соответствия реального уровня конфликтности в урегулированной законом сфере отношений оптимальному для данной сферы уровню конфликтности⁴⁶. В зарубежной литературе также существует подход, рассматривающий назначение права, помимо прочего, в поддержании некоего минимального уровня конфликтности⁴⁷. Минимально конфликтное развитие вообще можно считать одной из целей социальной и правовой жизни, важным показателем эффективности действующего права. В. В. Залесский считает макси-

⁴⁴ Проблемы общей теории права и государства / Под ред. В. С. Нерсесянца. М., 2002. С. 501.

⁴⁵ Там же. С. 503–504.

⁴⁶ Лапаева В. В. Социология права. М., 2004. С. 215–216.

⁴⁷ Ллойд Д. Идея права / Пер. с англ. М. А. Юмашевой, Ю. М. Юмашева. М., 2004. С. 24.

мальное использование возможностей бесконфликтного развития «одной из фундаментальных закономерностей существования и развития природы»⁴⁸.

Попытки связать эффективность с удовлетворением интересов и разрешением конфликта встречались и при исследовании эффективности правоприменительной деятельности. Так, В. В. Лазарев указывал, что одной из целей правоприменительной деятельности является удовлетворение интересов сторон в конкретном юридическом деле. Однако не всегда интересы участников правоприменительного процесса совпадают. Поэтому независимый и незаинтересованный в исходе дела правоприменительный орган стремится к устранению социального конфликта, и от того, насколько ему это удастся, заключают и об эффективности правоприменительной деятельности⁴⁹.

Соглашаясь с тем, что в современных условиях цели и задачи подверглись существенному изменению, необходимо отметить, что достаточно сложно определить, насколько сбалансированно согласованы социальные интересы, насколько прочно обеспечена «максимально возможная мера свободы», а значит, насколько эффективна система действующих норм законодательства.

При исследовании эффективности норм законодательства как сбалансированности социальных интересов следует иметь в виду еще некоторые обстоятельства. Например, как отмечал Е. Н. Трубецкой, можно привести сколько угодно примеров норм права, не соответствующих никаким интересам или прямо противных интересам, их вызвавшим⁵⁰. Еще одним моментом, осложняющим анализ сбалансированности социальных интересов, является то, что в обществе часто встречаются «фальшивые», незаконные потребности, на существование которых уже указывалось в литературе⁵¹, а также потребности нереальные, завышенные. Следует ли включать их в общую шкалу, подлежащую сбалансированию?

Рассмотрение эффективности отдельных норм законодательства и права в целом как социально-духовного регулятора с позиций уровня социальной конфликтности, уровня «конфронтации потребностей», несмотря на всю имеющуюся критику, тем не менее, заслуживает научного внимания. Необходимость права и правового регулирования как выражения справедливости не раз связывалась с социальными конфликтами. Так, Г. Д. Гурвич указывал, что «проблема справедливости возникает только тогда, когда допускается возможность конфликта между равнозначными нравственными ценностями... Справедливость призвана к предварительному примирению действительного конфликта между персональными и трансперсональными ценностями, рассматриваемыми в качестве равнозначных»⁵². Х. Ортега-и-Гассет писал: «Так называемое “общество” никогда не оправдывает своего названия. Общество – это всегда, в той или иной степени, разобщенность, в нем действуют силы взаимоотрицания и взаимоотталкивания. А поскольку, с другой стороны, оно хочет казаться чем-то прямо противоположным, то мы должны, наконец, понять, что общество по самой сути своей – больная, ущербная реальность и в нем происходит непрестанная борьба между действительно социальными элементами и поступками с элементами антисоциальными, разобщающими. Чтобы добиться хотя бы минимального перевеса социальных тенденций, то есть для того, чтобы общество как такое выжило, оно зачастую вынуждено прибегать к вмешательству “общественной власти”, к насилию, вплоть до создания – на более высоких ступенях развития – социального органа, в чьи

⁴⁸ Залесский В. В. Философия договора (закон динамического равновесия) // Журнал российского права. 2004. № 8. С. 109.

⁴⁹ Лазарев В. В. Эффективность правоприменительных актов. (Вопросы теории). Казань, 1975. С. 94–95.

⁵⁰ Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. СПб., 1998. С. 32.

⁵¹ Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм. М., 1998. С. 257.

⁵² Гурвич Г. Д. Юридический опыт и плюралистическая философия права // Гурвич Г. Д. Философия и социология права: Избранные сочинения / Пер. М.В. Антонова, Л. В. Ворониной. СПб., 2004. С. 291, 292.

обязанности входит реализовывать эту власть в формах, противостоять которым все остальное бессильно. Орган этот обычно и называется Государством»⁵³.

Представляется, что различие между пониманием эффективности норм законодательства как соотношения цели и результата и ее трактовкой как отражения интересов субъектов права, баланса этих интересов не столь уж принципиально. Следует согласиться с Г. В. Мальцевым в том, что «цель, если она действительно необходима, невозможно отделить от интереса. Иначе говоря, она есть осознанный интерес и должна его объективно отражать... Цели человека складываются на основе объективно возникающих его интересов, реализуемых посредством деятельности в целесообразных формах»⁵⁴. Механизм выбора целей включает в себя не только организационные моменты и научные методы, но и стадию социальной оценки, отбора вариантов и выбора наиболее предпочтительной цели⁵⁵. Вся история возникновения и развития целеполагающей деятельности человека показывает, что цели формируются на основе потребностей как форма отражения предмета потребности⁵⁶. Потребности и интересы связывают с целями и зарубежные авторы. Так, Дж. Айф указывает, что, когда мы говорим о потребности, мы по существу говорим о средстве достижения определенной цели⁵⁷.

Осознание индивидом объективного интереса есть познание объективной необходимости, акт свободы. Поэтому категория цели как результата осознания объективного интереса характеризует свободно-волевую деятельность человека. Свобода воли неизменно предполагает наличие разумно поставленной и соответствующей объективному интересу цели⁵⁸.

Таким образом, цели формулируются законодателем именно для удовлетворения тех или иных социальных интересов. Следовательно, рассмотрение эффективности норм законодательства как меры отражения социальных интересов есть фактически рассмотренное под другим углом зрения определение эффективности норм как соотношения целей и результатов.

Как видим, понятие эффективности норм законодательства, называемой традиционно эффективностью норм права, весьма многоаспектно и может включать целый ряд сторон и параметров. С. Ю. Марочкин, исследуя проблемы эффективности норм международного права, предлагает понимать эффективность как некую комплексную характеристику. Он пишет: «Эффективность норм международного права представляет собой комплексную характеристику их внутреннего качества (обоснованности, реальности, гарантированности и т. д.), успешного действия, реализации, оптимальности затрат (издержек) и достижения цели, отвечающей потребностям прогрессивного развития международных отношений... В общетеоретическом плане представленная трактовка обнаруживает определенное сходство с целевой концепцией эффективности. Но это сходство больше внешнее. Различие в главном: содержание понятия эффективности гораздо шире. Другими словами, есть основание говорить об эффективности в широком смысле»⁵⁹. На основании этого С. Ю. Марочкин выделяет ряд основных элементов понятия эффективности: качество (совершенство) самих норм, их успешное действие, полная и точная реализация, оптимальность затрат (издержек), степень достижения непосредственной социальной цели⁶⁰.

Итак, проблемой, важной не только для настоящего исследования, но и для всего дальнейшего изучения вопросов эффективности в праве, является необходимость разграничения

⁵³ Ортега-и-Гассет Х. Человек и люди // Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве. Сборник. М., 1991. С. 476.

⁵⁴ Мальцев Г. В. Социалистическое право и свобода личности. М., 1968. С. 113.

⁵⁵ Тихомиров Ю. А. Механизм управления в развитом социалистическом обществе. М., 1978. С. 226.

⁵⁶ Казакевич Т. А. Целесообразность и цель в общественном развитии. Л., 1969. С. 43.

⁵⁷ Ife J. Human Rights and Social Work. Towards Right-Based Practice. Cambridge, 2001. P. 79.

⁵⁸ Мальцев Г. В. Социалистическое право и свобода личности. М., 1968. С. 113.

⁵⁹ Марочкин С. Ю. Проблема эффективности норм международного права. Иркутск, 1988. С. 25.

⁶⁰ Там же. С. 47.

эффективности права и эффективности норм законодательства. В советской юридической науке, трактовавшей право как систему установленных или санкционированных государством формально определенных общеобязательных норм, обеспеченных возможностью применения государственного принуждения, такая проблема была лишена актуальности. В условиях, когда отечественная наука перестала сводить право к системе норм государства, а само право стало рассматриваться как многогранный, многоаспектный феномен, назрела необходимость пересмотра соответствующих положений теории эффективности.

Очевидно, что не все нормы законодательства могут называться правовыми не только по способу установления и охраны, но и по смыслу и содержанию. Нормы, содержащиеся в нормативных актах, представляют собой не нормы права, а нормы законодательства. Нормы законодательства, являясь, по сути, указаниями государства и объединяясь в нормативных актах, являются формой выражения права как явления культуры, социального и духовного регулятора, его принципов и требований. Право и его требования отражают многолетний социальный опыт, национальную и общечеловеческую культуру, национальный менталитет, а законодательство и его нормы выражают волю и цели государства.

Эффективность права не вытекает из эффективности конкретных норм законодательства, а связана с реализацией, развитием посредством права как социально-духовного регулятора, как принудительной регулятивной системы начал и закономерностей человеческого общежития, способностей и социально позитивных качеств человека, его созидательных начал. По сути, эффективность права как регулятора означает реализацию им своего духовного и социального назначения в конкретном обществе в конкретную историческую эпоху.

Эффективность норм законодательства имеет принципиально иную сущность, связана с несколько иным комплексом факторов. Как известно, закон (как и другой нормативный акт) является формой выражения норм права, формальным источником права. Законодательство в узком смысле понимается как совокупность законов, в широком – как совокупность действующих в государстве нормативных актов. Поэтому традиционно соотношение права и закона рассматривается как соотношение содержания и формы. В таком случае термин «эффективность норм законодательства» может пониматься лишь как эффективность законодательной формы выражения норм права, эффективность предписаний государства, соответствующих или не соответствующих правовым началам. Сам же по себе нормативный акт представляет собой слишком разноплановый правовой феномен, чтобы говорить об его единой эффективности. К некоторым частям нормативного акта оценка эффективности просто неприменима, например, к дате принятия, преамбуле, не имеющей нормативного значения, и т. д. Нормативный акт может включать оперативные поручения государственным органам, должностным лицам, то есть ненормативные, индивидуальные предписания. Такие предписания, направленные определенному кругу лиц по поводу конкретной ситуации, будут вызывать эффект, принципиально иной по сфере распространения.

Во многих работах проблема эффективности рассматривается именно как проблема результативности действующего законодательства. Представляется, что в данном случае упускаются из виду содержательные моменты категории эффективности.

С позиций плюралистической теории эффективности интерес представляют психологический, антропологический подходы к понятию эффективности правовых предписаний. В антропологическом аспекте эффективность норм законодательства можно было бы рассматривать как антропологическую адекватность, то есть способность правовых предписаний выражать, развивать и реализовывать основополагающие качества человека – духовность, творчество, самоутверждение, востребованность, способность норм права содействовать развитию личности максимального числа членов общества. При этом, как справедливо отмечает В. С. Барулин, одной из важнейших форм самоутверждения человека является его созидание,

понимаемое в самом широком смысле слова как человеческое творение себя, общества, природы, всей материальной и духовной культуры⁶¹.

Выдвигаемая нами плюралистическая теория эффективности права предполагает четкое отграничение права как явления культуры, социально-духовного регулятора общественной жизни и внутреннего мира человека, его эффективности от норм права, которые в данном контексте правильнее называть нормами законодательства. Разграничивая эффективность права и эффективность конкретных норм законодательства, следует согласиться с Г. Д. Гриценко в том, что добровольное исполнение субъектом права взятых на себя обязательств предполагает соответствие содержания права представлениям субъекта о справедливости, равенстве, свободе и других правовых идеях. Это значит, что на первый план выдвигается вопрос о духовно-нравственном содержании права, о включенности представлений о правах и обязанностях в культурно-историческую реальность общества⁶². Еще Г. В. Ф. Гегель отмечал, что «почвой права является вообще духовное, и его ближайшим местом и исходной точкой – воля, которая свободна; так что свобода составляет ее субстанцию и определение и система права есть царство осуществленной свободы, мир духа, порожденный им самим как некая вторая природа»⁶³.

Плюралистический подход к исследованию социальных, в том числе правовых, явлений, конечно, сам по себе не нов. В пользу методологического и понятийного плюрализма уже не раз выступали как отечественные, так и зарубежные авторы. Так, Дж. Геринг писал: «Чем больше контекстов, в которых данное понятие имеет смысл, тем лучше будет это понятие. Широко применяемое понятие является более полезным, чем понятие с узкой сферой применения. Хорошее понятие удобно растягивается на много контекстов; плохое понятие, наоборот, является узким – ограниченным до маленькой лингвистической сферы»⁶⁴.

Понятие эффективности норм права должно быть отграничено от ряда смежных понятий. Многие авторы, когда говорят об эффективности законодательства, фактически имеют в виду эффективность его действия. В литературе поэтому предложено различать «эффективность нормы» и «эффективность ее воздействия»⁶⁵. При этом под эффективностью нормы предлагается понимать вычлененный результат ее действия, а под эффективностью воздействия – совокупный результат, включающий также эффективность действия правового механизма. В действительности же, однако, действие нормы никогда не бывает в таком «чистом», «вычлененном» виде. Действие нормы всегда сопровождается включением в той или иной мере правового механизма действия законодательства. Поэтому справедливо подчеркивается условность такого деления, так как и в первом, и во втором случае речь идет именно о действии нормы, об эффективности действия, ибо бездействующая норма не может дать никакого эффекта⁶⁶. Однако нельзя безоговорочно согласиться с тем, что норма, утратившая юридическую силу, не может дать никакого эффекта. Отмененные нормы, даже утратив юридическую силу, могут продолжать давать духовный, аксиологический, идеологический эффект, оставаясь идеалами, образцами регулирования тех или иных отношений, источниками провозглашения тех или иных правовых идей.

Итак, понятие эффективности весьма многогранно и включает в себя экономические, социальные, специально-юридические и иные аспекты. Эффект действия правовых норм (норм законодательства) – по сути эффект всего юридического механизма. В силу этого некото-

⁶¹ Барулин В. С. Российский человек в XX веке. Потери и обретение себя. СПб., 2000. С. 183.

⁶² Гриценко Г. Д. Право как социокультурное явление: состояние проблемы и перспективы разрешения. Ставрополь, 2002. С. 83.

⁶³ Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 67.

⁶⁴ Gerring J. Social Science Methodology. A Criterial Framework. Cambridge, 2001. P. 54.

⁶⁵ Илларионова Т. И. О категории эффективности гражданско-правовых норм // Гражданское право, эффективность и качество. Свердловск, 1977. С. 76.

⁶⁶ Эффективность гражданского законодательства (актуальные вопросы) / Под ред. В. П. Грибанова. М., 1984. С. 9.

рые авторы говорят о механизме каждой конкретной нормы, который обеспечивает ее эффективность именно как целостный механизм, в единстве всех составляющих его элементов. А это неизбежно ведет к пониманию эффективности как комплексной категории, в которую включаются внутренние свойства (оптимальность, целесообразность, правильность и т. д.), успешное действие и реализация норм⁶⁷. В этом плане нельзя не согласиться с тем, что задачей конкретных наук является наполнение общего понятия эффективности специфическим содержанием применительно к соответствующей сфере социальной деятельности⁶⁸. И эти комплексность, плюралистичность не должны пугать исследователей. Как справедливо указывает Дж. Геринг, методологические разделения внутри современных общественных наук глубоки и сложны, они включают дисциплинарные, поддисциплинарные, теоретические, методологические, философские, а также старомодные идеологические расхождения. Что мы можем создать из этого разнообразия? Несомненно, необходима какая-либо специализация для того, чтобы общественная наука или любой другой предмет смог развиваться. Возможно, имеющееся раздробление общественной науки является наилучшим выходом для различных ученых, чтобы они индивидуально сделали все от себя зависящее в своей области. Мы должны считать разнообразие признаком дисциплинарной зрелости, а не признаком неразберихи и беспорядка⁶⁹.

Кроме термина «эффективность» в отечественной литературе используются и другие обозначения высокого качества действия закона и высокого уровня его реализации. Например, Т. В. Худойкина говорит о «регулятивной престижности» законодательства, а также об его юстициабельности, то есть защищенности действия закона мерами государственного принуждения⁷⁰.

Эффективность норм законодательства также следует отличать от эффективности правового регулирования, хотя иногда в литературе исследованию подвергается именно эффективность механизма правового регулирования⁷¹. Уже неоднократно отмечалось, что правовое регулирование есть многоуровневая система. В ней имеют место как общие правила поведения во всех областях жизни общества, так и отдельные специальные правила, обусловленные характером этих отношений и механизмом их реализации⁷². При исследовании механизма правового регулирования исследованию подвергаются не только правовые нормы, но и иные правовые средства, входящие в данный механизм⁷³.

С одной стороны, воздействие права, его норм, выраженных в законодательстве, на общественную жизнь не ограничивается регулированием. Поэтому в литературе правовое регулирование рассматривается лишь как часть правового воздействия. Право как система норм выполняет не только регулятивную функцию. Следует согласиться с С. А. Комаровым в том, что «воздействие включает как регулирование с помощью определенной правовой нормы, так и другие правовые средства и формы влияния на поведение людей. Следовательно, не нужно сводить правовые средства и формы влияния права на общественные отношения только к правовому регулированию»⁷⁴. А. В. Малько справедливо отмечает, что регулирование – лишь одна из форм воздействия права на социальные связи, и выделяет также информа-

⁶⁷ Марочкин С. Ю. Проблема эффективности норм международного права. Иркутск, 1988. С. 15.

⁶⁸ Тирский В. В. О смысловом содержании понятия «эффективность правовых норм» // Правовые вопросы борьбы с преступностью. Томск, 1985. С. 12.

⁶⁹ Gerring J. *Social Science Methodology. A Criterial Framework*. Cambridge, 2001. P. 2.

⁷⁰ Худойкина Т. В. Стабильность закона или законодательства? (Теоретические и практические аспекты) // Журнал российского права. 2000. № 9. С. 20, 21.

⁷¹ Морозова Л. А. Теория государства и права. М., 2002. С. 319–320; Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 1997. С. 632–633.

⁷² Системность законодательства как фактор повышения его качества // Государство и право. 2002. № 8. С. 7.

⁷³ Дивеева Н. И. Общеправовые средства в механизме правового регулирования трудовых отношений // Правоведение. 2002. № 3. С. 62.

⁷⁴ Общая теория государства и права. Академический курс / Под ред. М. Н. Марченко. М., 1998. С. 435.

ционно-психологический (мотивационный, импульсивный), воспитательный (педагогический, ценностно-ориентационный) и социальный аспекты правового воздействия на общественную жизнь⁷⁵. В. Н. Кудрявцев пишет, что «механизм действия права может рассматриваться в социальном, юридическом, психологическом, организационном и иных аспектах. В этой связи говорят даже о социальном, психологическом и т. д. механизмах действия права. В действительности все это различные части или аспекты единого, целостного механизма»⁷⁶. А. И. Бобылев указывает, что «механизм правового воздействия» – это правовая категория, более широкая, чем «механизм правового регулирования», включающая еще и такие правовые средства, как правовое сознание, правовая культура, правотворческий процесс»⁷⁷. Некоторые авторы предлагают отличать правовое регулирование как специфическое воздействие, осуществляемое правом в качестве социально-классового институционального нормативного регулятора, от идеологического⁷⁸. Причем в некоторых случаях вместе с идеологическим воздействием за пределы правового регулирования выводится весь психологический механизм действия права. В частности, Н. И. Матузов считает, что воздействие права на сознание и поведение людей самим фактом своего существования (мотивационное, оценивающее, превентивное, идеологическое и т. д.) нельзя считать правовым регулированием. Это, по его мнению, не регулирование общественных отношений, а психологическое воздействие права на сознание и волю субъектов. Обосновывается это тем, что здесь мы имеем дело с особой стороной права, связанной с воспитанием людей, с выработкой у них положительных качеств, привычек, мотивов, стремлений, побуждений, регулирование же предполагает регламентацию поведения людей исключительно с помощью конкретных правил, установления юридических прав и обязанностей и т. д.⁷⁹ В подобных утверждениях спорным является уже само отождествление психологического механизма действия права только с его идеологическим (воспитательным) воздействием. Любое правовое воздействие обладает психологическими механизмами.

С юридической точки зрения действительно существуют определенные различия между идеологическим (воспитательным) и специально-юридическим воздействием права, но на психологическом уровне они самым тесным образом взаимодействуют, способствуя достижению целей правового регулирования. Идеологическое воздействие осуществляется через правовую психологию, включающую распространенные в обществе правовые убеждения, умонастроения, оценки, установки, которые оказывают самое непосредственное влияние на правовое поведение личности. В этих психологических формах выражаются общие критерии правомерного и неправомерного поведения, которыми руководствуются даже при незнании конкретных правовых предписаний. С психологической точки зрения нельзя согласиться с разграничением между идеологическим и регулятивным воздействием права на основании того, что первое из них рассчитано одновременно на сознание, психологию и внешнее поведение людей, второе же рассчитано только на внешнее поведение индивида.

Таким образом, правовое регулирование представляет собой основную, важнейшую часть правового воздействия на общественные отношения⁸⁰. Впрочем, в науке существует точка зрения, по которой правовое регулирование сводится к различным формам юридического воздействия государства на поведение субъектов общественных отношений⁸¹. Имеется также позиция, согласно которой механизм действия права является лишь частью механизма правового регулирования. Так, В. Н. Кудрявцев отмечает, что механизм правового регулиро-

⁷⁵ Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 1997. С. 623.

⁷⁶ Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М., 1978. С. 68.

⁷⁷ Бобылев А. И. Механизм правового воздействия на общественные отношения // Государство и право. 1999. № 5. С. 105.

⁷⁸ Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 1. С. 290.

⁷⁹ Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия: Теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972. С. 62–64.

⁸⁰ Байтин М. И. Сущность права. (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 139.

⁸¹ Явич Л. С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М., 1961. С. 26.

вания включает три этапа: а) формирование правовых норм; б) их действие; в) реализацию субъективных юридических прав и обязанностей, составляющих содержание правоотношений. При этом он указывает, что понятие механизма действия права является более узким и относится к двум последним этапам правового регулирования – возникновению и реализации правоотношений. Действие права, по его мнению, и состоит в том, что на основе правовых норм возникают конкретные права и обязанности субъектов, а затем эти права и обязанности реализуются в фактическом поведении людей⁸². Представляется, что в данном случае происходит ограничение действия права только его регулирующим воздействием, при этом упускаются из виду информационный, мотивационный, воспитательный аспекты действия права. Тем более, что В. Н. Кудрявцев сам говорит о мотивирующем, информационном, ценностном аспектах действия права. В частности, отмечается, что норма права оказывает вначале мотивирующее влияние, стимулируя субъекта к правомерному поступку («психологический механизм»). Далее включается «юридический механизм», посредством которого в структуре правоотношения субъект приобретает, а затем и реализует свои права и обязанности. При этом начинается и «социальный механизм» действия права, так как юридически значимое поведение лица есть элемент социального взаимодействия людей, «клеточка» общественных отношений⁸³.

Несколько по-иному рассматривает данную проблему В. В. Лазарев. Он указывает, что правовое воздействие включает в себя регулирование как один из способов проявления творческой роли права. Правовое воздействие рассматривается им в широком и узком смысле слова. В широком значении правовое воздействие охватывает все формы, все средства, используемые государством для упорядочения общественных отношений. Подразумевается, что эти средства используются государственными органами в рамках установленной правовой компетенции, что все они находятся под правовой охраной. Субъектами использования средств правового воздействия являются, наряду с государственными органами, учреждениями, также общественные организации и граждане. Подача, например, лицом искового заявления или заключение договора и т. п. будет примером обращения граждан к средствам юридического воздействия. В ином, более узком, значении правовое воздействие представляет собой влияние на общественные отношения с помощью и через посредство норм права. В этом случае следует говорить о нормативном правовом воздействии, и субъектом его могут быть лишь компетентные государственные органы. Поэтому, по мнению В. В. Лазарева, целесообразно считать правовым регулированием только нормативное правовое воздействие, а функционирование всех нормативных и индивидуальных средств в совокупности рассматривать как «юридическое воздействие», которое было бы адекватным употребляемому ныне понятию «правовое воздействие» в широком смысле слова⁸⁴. В. В. Лазарев отмечает, что в пользу такого решения вопроса можно привести следующие соображения: 1) именно нормы права выступают регулятором общественных отношений, поскольку носят общий, абстрактный характер, образуют меру, масштаб для развития общественных отношений, взятых без учета индивидуальных особенностей и черт каждого из них; 2) объяснение понятием «правовое регулирование» неравнозначных средств юридического воздействия таит опасность объявления правом индивидуальных актов и правоотношений, субъективистского принижения роли нормативного акта и возвеличения административных методов руководства; 3) выделение в рамках юридического воздействия сферы правового регулирования позволяет акцентировать внимание не только на внешних, но и на внутренних ее границах; 4) изучение каждой из указанных сфер в отдельно-

⁸² Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М., 1978. С. 67–68.

⁸³ Там же. С. 68.

⁸⁴ Лазарев В. В. Сфера и пределы правового регулирования // Советское государство и право. 1970. № 11. С. 39–40.

сти позволяет с большей точностью определить практические шаги законодательных органов и субъектов, реализующих правовые нормы⁸⁵.

Итак, воздействие нормы законодательства на соответствующие отношения не ограничивается регулированием. Можно утверждать, что норма оказывает и предварительное информационное, идеологическое воздействие. В. Н. Кудрявцев указывал, что «правовая норма во многих случаях способна влиять на мотивацию поведения»⁸⁶. Он говорит также об информационном и аксиологическом аспектах правового воздействия. По его мнению, информационная роль права, прежде всего, состоит в том, чтобы сообщить адресатам требования государства, относящиеся к поведению людей, иначе говоря, довести до их сведения, какие имеются в обществе, одобряются или допускаются государством возможности, объекты, средства и методы достижения общественно полезных целей и, напротив, какие противоречат общественным интересам и поэтому запрещены законом. Аксиологический же аспект воздействия права на поведение предполагает, в первую очередь, влияние на убеждения человека, на его мировоззренческие ориентации и установки, чувства и эмоции⁸⁷.

Думается, что упомянутые В. Н. Кудрявцевым аспекты воздействия права на психику, убеждения, эмоции человека должны стать объектом самого пристального внимания в контексте обеспечения эффективности правового воздействия в конкретном государстве.

С другой стороны, термин «эффективность правового регулирования» предполагает эффективность не только норм законодательства, но и актов реализации права, например правоприменительных. Иными словами, эффективность правового регулирования подразделяется на эффективность нормативного правового регулирования и эффективность индивидуального правового регулирования. Иногда в литературе правовое регулирование делится на виды и по другим основаниям. Так, Ю. И. Гревцов, различая виды правового регулирования в зависимости от целей, говорит о правовом регулировании правотворческой сферы, правовом регулировании положения личности, коллективных объединений, правовом регулировании процессов реализации прав, юридических обязанностей, правовом регулировании правоохранительной и правозащитной деятельности, правовом регулировании положения и видов деятельности профессиональных юристов и др.⁸⁸

Итак, эффективность норм права (точнее – норм законодательства) и эффективность правового регулирования – хотя и близкие, взаимосвязанные, но не тождественные понятия.

В. И. Никитинский в свое время предложил также различать «эффективность механизма действия правовой нормы» и «эффективность правовой нормы». При этом он указывал, что механизм действия правовой нормы призван обеспечить определенное поведение людей, а этапом оценки самой правовой нормы является ее социальная цель, а не правомерное поведение как средство ее достижения⁸⁹.

В связи с этим хотелось бы отметить, что вряд ли следует противопоставлять социальную цель нормы и поведение людей. Цели правовых норм достигаются именно посредством правомерного поведения (действия либо бездействия). Социальный эффект нормы неотделим от тех или иных социально значимых действий, социально значимого поведения. Кроме того, понятие «механизм» обычно понимается в отечественной науке как совокупность органов (в этом смысле понимаются, например, механизм государства, механизм правотворчества). Поэтому было бы более логично понимать механизм действия правовых норм как совокупность органов, обеспечивающих реализацию, применение этих норм. Тогда под эффективностью данного

⁸⁵ Там же. С. 40.

⁸⁶ Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М., 1978. С. 30.

⁸⁷ Там же. С. 73, 97.

⁸⁸ Гревцов Ю. И. Социология права. СПб., 2001. С. 132.

⁸⁹ Никитинский В. И. Эффективность норм трудового права. М., 1971. С. 18–19.

механизма понималась бы эффективность работы соответствующих органов. В случае же противопоставления эффективности механизма действия правовых норм и эффективности правовых норм мы получаем, что: 1) эффективность может быть и у бездействующих норм и 2) социальный эффект, социальные изменения отрываются от социально значимого правомерного поведения людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.